
Элементаль
Мара Найт
18+

Мара Найт

Элементаль

«Автор»
2026

Найт М.

Элементаль / М. Найт — «Автор», 2026

В мире, где четыре царства веками хранят свои традиции и соперничают за власть, судьбы принцесс редко принадлежат им самим.Женевьева, принцесса Царства Воды, мечтает о свободе, приключениях и праве самостоятельно выбирать своё будущее. Но у короны на неё совсем другие планы.Её хотят выдать замуж за Игнеса — могущественного короля Царства Огня. Этот союз должен укрепить отношения двух государств, и желания самой принцессы едва ли кого-то интересуют.Но всё усложняется с появлением Дариана — младшего брата короля. Дерзкий, обаятельный и совершенно не склонный соблюдать правила, он пробуждает в Женевьеве чувства, которым нет места в планах королевских семей.Пока между ними разгорается опасное притяжение, за стенами королевских замков плетутся интриги, рушатся старые договорённости, а над четырьмя царствами постепенно сгущается угроза войны.В мире, где даже любовь может стать оружием, Женевьеве придётся решить, чего она готова лишиться ради собственного выбора.

© Найт М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мара Найт
Элементаль

Пролог

Были времена, когда человеческая жизнь длилась столетиями.

Сто пятьдесят лет не считались пределом, двести мало кого удивляли, а некоторые доживали и до трёхсот. Люди успевали увидеть, как взрослеют их правнуки, как на месте небольших поселений вырастают города, как рушатся могущественные династии и на престолы восходят новые правители.

В те далёкие времена магия была столь же привычна, как смена времён года.

Она встречалась среди знати и простолюдинов, в многолюдных городах и затерянных среди лесов деревнях. Одни умели призывать пламя, другие повелевали водой, третьи подчиняли себе ветер или заставляли землю менять очертания.

О былом могуществе свидетельствовали древние летописи, хранившиеся в королевских библиотеках. Правда, даже самые образованные учёные не могли с уверенностью сказать, где в этих записях заканчивалась история и начиналась легенда.

Века сменяли друг друга, и мир постепенно утрачивал прежнюю силу.

Человеческая жизнь становилась короче, магический дар встречался всё реже. Великие волшебники уходили в небытие, унося с собой знания, которые некому было передать. Их потомки рождались уже без способностей, некогда прославивших целые роды.

Никто не знал, почему это произошло. Одни искали объяснение в природе самой магии, другие — в изменениях человеческой крови. Споры продолжались столетиями, но ни одна из теорий так и не получила убедительного подтверждения.

К нынешним временам от прежнего мира осталось немногое.

Континент разделился на четыре независимых царства, каждое из которых носило имя одной из великих стихий.

На северо-западе располагалось Царство Воздуха, на северо-востоке — Царство Огня. Юго-западные земли принадлежали Царству Воды, а юго-восточные — Царству Земли.

У каждой державы были собственные законы, обычаи и правящая династия. В одном царстве почитали традиции предков и с подозрением относились к переменам, в другом охотнее принимали новые порядки. Однако различия не мешали соседям поддерживать дипломатические и торговые отношения.

Купеческие караваны пересекали границы, корабли доставляли товары в далёкие порты, а послы регулярно появлялись при чужих дворах. Королевские семьи обменивались приглашениями на торжества, заключали соглашения и порой скрепляли дружбу брачными союзами.

Мир между царствами сохранялся, хотя интересы четырёх престолов далеко не всегда совпадали.

Особое место в жизни правящих династий занимала магия — последнее наследие древних времён.

Теперь она встречалась исключительно среди потомков королевских родов и подчинялась строгому закону наследования.

Магический дар передавался только по мужской линии, но проявлялся у женщин. Каждая дочь мужчины королевской магической крови обладала способностью повелевать стихией, тогда как сыновья обычно оставались лишь носителями дара. Изредка рождались мужчины, способные пользоваться собственной магией, но подобные случаи были исключительной редкостью.

Сама женщина передать дар детям не могла. Поэтому дети принцессы и мужчины, не принадлежавшего к магическому королевскому роду, рождались без способностей.

Ни титул, ни богатство, ни брак с монархом не могли изменить этого закона. Королева, происходившая из обычной аристократической семьи, оставалась столь же далека от магии, как любая другая женщина без соответствующей крови.

Впрочем, даже тем, кому посчастливилось родиться с даром, приходилось годами учиться им управлять.

Магия требовала сосредоточенности и физических сил. Продолжительное использование стихии истощало тело, а попытка превзойти собственные возможности могла закончиться полным изнеможением. Потому могущество определялось не только врождёнными способностями, но и опытом, знаниями и постоянными упражнениями.

При этом обучение во многом зависело от традиций королевского двора. Где-то юных принцесс поощряли совершенствовать свой дар, а где-то их воспитанию, придворным обязанностям и подготовке к будущему браку уделяли куда больше внимания.

За стенами замков жизнь шла своим чередом.

На рыночных площадях торговцы зазывали покупателей, в мастерских трудились ремесленники, в полях созревал урожай. По вечерам в тавернах собирались путешественники, моряки рассказывали о дальних берегах, а дети слушали истории о волшебниках древности.

Большинство жителей континента никогда не сталкивались с магией лично. Для них она оставалась частью королевской жизни, такой же далёкой, как церемонии при королевском дворе и споры о престолонаследии.

Люди давно научились полагаться на собственные руки, знания и мастерство. Они строили города, прокладывали дороги, возводили мосты и отправляли корабли через моря, не ожидая помощи от тех, кто умел повелевать стихиями.

И всё же память о прежних временах не исчезла.

Она жила в пожелтевших страницах летописей, в старинных преданиях и в самой крови четырёх королевских династий.

Огонь. Вода. Земля. Воздух.

Четыре стихии, некогда подвластные множеству людей, теперь определяли могущество немногих.

Таков был мир, в котором начиналась эта история.

Глава 1

Над ночным Мордином расцвёл золотой фейерверк.На мгновение его сияние озарило крыши домов, высокие шпили и мощёные улицы столицы. Следом вспыхнули ещё несколько огней — алые, синие, изумрудные. Они рассыпались сотнями искр, оставляя после себя тонкие дымные следы, и исчезли в темноте под восторженные крики горожан.

Женевьева невольно улыбнулась.

Она сидела на широком каменном подоконнике, поджав под себя одну ногу и прислонившись плечом к оконной раме. Створки были распахнуты настежь, и тёплый вечерний воздух свободно проникал в её покои, принося с собой отдалённые звуки музыки, смех и едва различимый гул множества голосов.

Где-то внизу, за стенами замка, люди веселились вовсю.

Отсюда, с высоты королевского замка, Женевьева могла разглядеть часть главной городской площади. Между домами тянулись гирлянды разноцветных фонарей, вдоль улиц теснились торговые палатки, а в центре площади двигалась пёстрая толпа. Время от времени над головами горожан взлетали новые огни, и тогда принцесса замечала то музыкантов, собравшихся у фонтана, то танцующие пары, то детей, носившихся между взрослыми.

Она вздохнула и перевела взгляд на пяльцы, лежавшие у неё на коленях.

На натянутом полотне постепенно вырисовывался сад: цветущие яблони, узкая дорожка, небольшой пруд и белая беседка, почти скрытая среди розовых кустов. Работа была тонкая, кропотливая и, по мнению Женевьевы, совершенно не подходящая для такого вечера.

Она сделала несколько стежков голубой нитью, остановилась и нахмурилась.

Кажется, это место должно было быть зелёным.

Принцесса некоторое время разглядывала собственную ошибку, после чего решила, что пруд вполне может оказаться немного больше, чем предполагалось изначально.

И вновь посмотрела в окно.

Вышивание никогда не входило в число её любимых занятий. Она владела иглой достаточно хорошо, чтобы не вызывать недовольства наставниц, но искренне не понимала, какое удовольствие можно получать, часами подсчитывая крошечные крестики на полотне.

Сегодня, впрочем, у вышивки имелось совершенно иное назначение.

Пяльцы на коленях, аккуратно разложенные мотки ниток и выражение прилежной сосредоточенности создавали вполне убедительную картину благовоспитанной принцессы, мирно проводящей вечер в своих покоях.

Если бы заглянула матушка, она наверняка осталась бы довольна.

Корделия, конечно, могла заметить подвох. Сестра слишком хорошо знала Женевьеву, чтобы поверить в её внезапную любовь к рукоделию. Но даже Корделии было бы трудно придраться к столь безобидному занятию.

Особенно если Женевьева вовремя вспомнит, что иглу полагается держать в руке, а не оставлять воткнутой в подушечку рядом с собой.

Она поспешно взяла иглу.

Снаружи раздался новый залп, и принцесса тут же забыла о своём благоразумии.

На этот раз фейерверк оказался особенно красивым. Несколько серебристых огней взмыли высоко над городом, раскрылись огромными сияющими цветами и медленно осыпались, словно звёздный дождь.

Женевьева подалась вперёд, положив ладонь на холодный камень подоконника.

Какая красота! Ей хотелось, чтобы эти серебряные искры продержались в небе хоть немного дольше.

В ответ на очередную вспышку из города донёсся дружный восторженный крик.

До восемнадцатилетия королевских близнецов оставалось совсем немного времени, и Мордин уже вовсю готовился к празднествам.

По распоряжению короля Мориса для жителей столицы устроили несколько дней народных гуляний. На площадях выступали музыканты, торговцы предлагали всевозможные угощения, по вечерам зажигались праздничные огни. Город радовался предстоящему совершеннолетию двух принцесс, хотя сами виновницы торжества почти не принимали участия в происходящем.

Для них готовили совсем другое празднество.

В замке уже несколько недель шли приготовления к торжественному балу, назначенному на день восемнадцатилетия близнецов. Ожидались представители самых знатных семейств Царства Воды, а также гости из соседних держав. Портные заканчивали наряды, повара обсуждали праздничное меню, распорядители составляли списки приглашённых, а королева Элина лично следила за тем, чтобы ни одна мелочь не осталась без внимания.

Женевьева не сомневалась, что бал получится великолепным.

Она также не сомневалась, что к концу вечера у неё будут болеть ноги от танцев, а щёки — от необходимости улыбаться людям, половину которых она едва знала.

Впрочем, танцевать она любила.

И красивые платья тоже.

Просто сейчас ей гораздо больше хотелось оказаться там, внизу, среди горожан, где можно было смеяться во весь голос, покупать сладости у уличных торговцев и танцевать, не задумываясь о том, насколько достойно выглядит со стороны дочь короля.

Она наблюдала, как по площади пробежала стайка детей с бумажными фонариками. За ними, размахивая руками, спешила женщина, явно пытавшаяся собрать разбежавшееся семейство.

Женевьева рассмеялась.

Потом опустила взгляд на собственные руки.

Тонкие пальцы всё ещё сжимали иглу с голубой нитью. На запястье поблёскивал изящный серебряный браслет, украшенный небольшими сапфирами. Свет свечей отражался в камнях, заставляя их мерцать, словно капли воды.

Её длинные светло-золотистые волосы свободно спадали на плечи и спину мягкими волнами. Несколько прядей выбились вперёд и теперь щекотали щёку, когда она поворачивала голову к окну. Женевьева нетерпеливо убрала их за ухо, открыв тонкие черты лица и большие голубые глаза, в которых ещё отражались огни недавнего фейерверка.

В этот вечер на ней было одно из любимых платьев — жемчужно-белое, с едва заметным серебристо-голубым отливом. Плотно прилегающий лиф украшала искусная вышивка, напоминавшая мелкую рыбью чешую, а лёгкая юбка мягкими складками ниспадала до пола. Ткань была настолько тонкой, что при каждом движении казалась почти невесомой.

Женевьева любила это платье не только за красоту. В нём было удивительно удобно, особенно если хотелось забраться с ногами на подоконник, не опасаясь, что тугой корсаж помешает дышать.

Хотя матушка, несомненно, нашла бы немало замечаний к тому, как именно её дочь распоряжается столь дорогим нарядом.

Принцесса осторожно подтянула подол, чтобы тот не касался каменного выступа.

Через несколько дней ей и Корделии должно было исполниться восемнадцать, однако иногда она чувствовала себя так, словно всё ещё оставалась маленькой девочкой, которой полагалось спрашивать разрешения даже на то, чтобы выйти в сад после ужина.

Она любила своих родителей. И прекрасно понимала, что строгость отца и постоянные наставления матери продиктованы заботой. В конце концов, она была принцессой Царства Воды, а значит, её поведение неизменно привлекало внимание окружающих.

Но от понимания легче не становилось.

За окном снова заиграла музыка. На этот раз мелодия была быстрой и весёлой; даже сквозь расстояние Женевьева различала звонкие звуки струн и размеренный стук барабана.

Она невольно начала покачивать ногой в такт.

Потом посмотрела на вышивку.

Несчастный сад за весь вечер почти не изменился.

Женевьева задумчиво поднесла иглу к полотну, сделала ещё один крестик и тут же отложила работу.

В конце концов, никто не требовал, чтобы она закончила картину именно сегодня.

Она устроилась поудобнее, прислонилась затылком к оконной раме и снова устремила взгляд на праздничный город.

Внизу продолжалась жизнь, яркая, шумная и совершенно не похожая на размеренное существование за стенами замка.

А Женевьева могла лишь наблюдать за ней из своего окна.

Тихий стук в дверь заставил её вздрогнуть.

Она мгновенно выпрямилась, поспешно подобрала подол платья и схватила оставленные на коленях пяльцы. Игла едва не выскользнула из пальцев, но принцесса успела поймать её прежде, чем та упала на пол.

Кто бы ни стоял за дверью, он должен был застать её за достойным занятием.

Женевьева опустила голову, изобразила на лице сосредоточенность и даже сделала один стежок. Лишь после этого, убедившись, что выглядит достаточно благопристойно, произнесла ровным, учтивым голосом:

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появилась Марта.

Её густые медно-рыжие волосы, собранные у висков и свободно ниспадавшие на плечи, особенно ярко смотрелись в тёплом свете свечей. Мелкие веснушки покрывали переносицу и щёки, а большие карие глаза смотрели с тем живым любопытством, которое Женевьева знала с детства. На девушке было тёмно-синее платье с узорной отделкой и небольшим сапфировым кулоном на груди.

Марта была ровесницей принцессы, происходила из знатной семьи Царства Воды и состояла при ней фрейлиной. Впрочем, для Женевьевы она уже давно была прежде всего подругой.

Марта прикрыла за собой дверь и остановилась, заметив пяльцы в руках принцессы. Её взгляд скользнул от вышивки к распахнутому окну, затем вернулся к лицу Женевьевы.

Уголки её губ дрогнули.

Женевьева продолжала невозмутимо вышивать, хотя теперь уже не сомневалась, что держит иглу не с той стороны полотна.

Марта приподняла бровь.

Пожалуй, из всех людей в замке именно её было труднее всего обмануть подобным представлением.

— Можешь не притворяться, — усмехнулась Марта. — Я прекрасно знаю, как сильно ты любишь вышивать.

Женевьева взглянула на подругу, затем на пяльцы. Действительно, кого она пыталась обмануть?

— А я ведь почти закончила, — с сожалением произнесла она, откладывая вышивку.

Марта окинула взглядом полотно.

— Судя по всему, лет через десять.

— Ты сегодня особенно любезна.

— Всегда к твоим услугам, Ваше Высочество.

Женевьева рассмеялась и снова повернулась к окну. Над городом вспыхнул очередной фейерверк.

— Посмотри, как там красиво! А мы сидим в замке.

Марта подошла ближе и выглянула наружу.

— Зато у нас прекрасный вид.

— Предпочла бы вид снизу.

— Даже не сомневаюсь.

В голосе Марты прозвучало столько понимания, что Женевьева обернулась к ней с улыбкой.

Марта уже собиралась отойти от окна, когда вдруг остановилась. На её лице появилось задумчивое выражение, которое Женевьева знала слишком хорошо.

— Кстати, — протянула Марта как бы между прочим, — ты ведь слышала, что Его Величество по случаю праздника отпустил большую часть прислуги и стражи на гулянья?

— Слышала, — ответила Женевьева, пока не понимая, к чему та клонит.

— Значит, сегодня в замке необычайно тихо. И людей гораздо меньше, чем обычно.

Марта произнесла это с таким невинным видом, что Женевьева невольно прищурилась.

Несколько мгновений она пристально смотрела на подругу. Затем её взгляд скользнул к распахнутому окну, за которым продолжал веселиться Мордин.

Когда Женевьева снова повернулась к Марте, на её губах уже играла улыбка.

Та ответила ей точно такой же.

***

Служебные коридоры замка заметно отличались от тех, по которым привыкли ходить его знатные обитатели. Здесь не было ни дорогих гобеленов, ни мраморных статуй, ни высоких окон с цветными стёклами. Узкие проходы освещались редкими настенными светильниками, а каменные ступени за долгие годы стёрлись посередине от бесчисленных шагов прислуги.

Марта осторожно выглянула из-за угла, убедилась, что путь свободен, и жестом подозвала Женевьеву.

Обе девушки уже успели сменить наряды. Вместо любимого жемчужного платья на Женевьеве теперь были простая светлая блуза, коричневый корсаж и длинная юбка, а волосы скрывал капюшон кремового плаща. Марта выбрала тёмно-синий плащ, под которым её рыжие локоны почти не были видны.

В таком виде их вполне можно было принять за молодых служанок, спешащих по своим делам.

Особенно если не присматриваться.

Марта первой направилась к лестнице, но внезапно остановилась, услышав приближающиеся шаги. Она тут же схватила Женевьеву за руку и увлекла в небольшую нишу за тяжёлым деревянным шкафом.

Мимо прошёл пожилой слуга с охапкой чистого белья. Он негромко насвистывал какую-то мелодию и даже не повернул головы в их сторону.

Когда шаги стихли, Марта выглянула из укрытия.

— А ты говорила, что всех отпустили, — прошептала Женевьева.

— Почти всех, — напомнила Марта. — Идём.

Они проделывали этот путь далеко не впервые. Марта прекрасно знала, где обычно можно встретить прислугу, какие проходы оставались пустыми по вечерам и когда удобнее всего пересечь нижний этаж. Женевьева помнила каждую скрипучую ступеньку и каждый поворот, но охотно уступала подруге право идти первой.

Если их кто-нибудь заметит, присутствие фрейлины в служебной части замка вряд ли вызовет особое удивление. А вот принцессе пришлось бы объяснять, почему она разгуливает здесь в одежде простой горожанки.

На нижнем этаже пахло свежим хлебом, горячим воском и влажным камнем. Откуда-то издалека доносился звон посуды, но большая часть служебных помещений действительно пустовала.

Марта уверенно свернула в узкий проход и остановилась перед небольшой деревянной дверью. Осторожно приподняв щеколду, она потянула створку на себя.

Петли тихонько скрипнули.

— Каждый раз, — прошептала Женевьева.

— Можешь пожаловаться управляющему.

— Непременно. И подробно объясню, откуда мне это известно.

Марта едва заметно улыбнулась и придержала дверь, пропуская подругу.

За ней находилась хозяйственная часть замкового сада. В отличие от ухоженных аллей с фонтанами, мраморными скамьями и аккуратно подстриженными кустарниками, здесь всё было устроено исключительно ради удобства садовников.

Вдоль каменной стены стояли деревянные ящики с землёй, глиняные горшки и большие бочки для дождевой воды. Под навесом хранились лопаты, грабли и садовые ножницы, а возле низкого сарая громоздились мешки с удобрениями. Узкая дорожка, местами заросшая травой, вела между хозяйственными постройками к дальней стене замка.

Здесь пахло сырой землёй, травами и ночной прохладой.

Марта задержалась у двери, прислушиваясь. Убедившись, что поблизости никого нет, она направилась вдоль стены, держась в тени разросшихся кустов. Женевьева последовала за ней.

Из-за замковой стены доносилась музыка. Теперь она звучала гораздо отчётливее, чем из окна покоев принцессы. Слышались удары барабанов, весёлые голоса и чей-то громкий смех.

Женевьева невольно ускорила шаг и едва не обогнала подругу.

— Не торопись, Ваше Высочество, — шепнула Марта. — Мы ещё не вышли.

— А ты слишком медленно идёшь.

— Могу вернуться.

— Даже не думай.

Марта усмехнулась.

Они обогнули сарай и приблизились к небольшой калитке, которой пользовались садовники и слуги, когда отправлялись в город за припасами.

Марта осторожно отодвинула засов и приоткрыла тяжёлую деревянную створку. Выглянув наружу, она осмотрела узкую улицу, спускавшуюся от замка к жилым кварталам Мордина.

Никого.

Она первой проскользнула за калитку и знаком велела Женевьеве следовать за ней.

Принцесса поправила капюшон, скрывая светлые волосы, и вышла наружу. Марта тихо притворила калитку за их спинами.

Впереди, за поворотом улицы, сияли праздничные огни Мордина.

***

Тяжёлая дубовая дверь распахнулась, выпустив на улицу волну горячего воздуха, пропитанного запахами жареного мяса, свежего хлеба и разлитого пива.

Женевьева и Марта, держась под руки, переступили порог таверны.

Внутри царил настоящий бедлам.

Просторный зал был полон народу. За длинными деревянными столами сидели шумные компании, над головами которых то и дело взлетали кружки с пенным пивом. Кто-то громко спорил, перекрикивая соседей, кто-то хохотал так заразительно, что к нему присоединялись даже незнакомцы. Между столами сновали разносчицы с подносами, ловко уворачиваясь от посетителей, которым выпитое уже заметно мешало держаться прямо.

У дальней стены расположились музыканты. Скрипач с растрёпанными волосами выводил бойкую мелодию, рядом с ним крепкий мужчина отбивал ритм на барабане, а третий музы-

кант так увлечённо перебирал струны лютни, что, казалось, совершенно не замечал происходящего вокруг.

Посреди зала несколько пар отплясывали под музыку. Один из танцоров, краснолицый мужчина с расстёгнутым воротом рубахи, попытался особенно ловко развернуть свою спутницу, но сам потерял равновесие и едва не опрокинул соседний стол. Раздался возмущённый крик, за которым последовал дружный хохот.

Женевьева невольно улыбнулась.

Она хорошо помнила эту таверну. Здесь всегда было шумно, весело и немного тесно, а хозяин славился щедрыми порциями и удивительной способностью сохранять невозмутимость даже тогда, когда посетители затевали драку.

Правда, в последний раз она бывала здесь несколько месяцев назад.

Женевьева старалась не посещать одни и те же заведения слишком часто. В тавернах она вообще появлялась не так уж регулярно, а если выбиралась в город, то предпочитала менять места. Постоянных посетителей быстро начинали узнавать, особенно молодых девушек, приходивших без сопровождения мужчин. А ей совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь однажды присмотрелся к её лицу повнимательнее.

Пока эта осторожность себя оправдывала.

Марта слегка сжала её руку, привлекая внимание, и кивнула в сторону свободного места у одного из столов.

Женевьева согласно улыбнулась.

Подруги двинулись через зал, лавируя между посетителями. Приходилось то обходить вытянутые ноги, то пропускать разносчицу с полным подносом, то останавливаться, пока очередная танцующая пара не освободит дорогу.

Марта едва успела отдёрнуть край плаща, когда мимо пошатнулся подвыпивший мужчина с кружкой в руке. Тот пробормотал что-то невнятное и, не заметив девушек, продолжил свой путь.

Женевьева улыбнулась и уже собиралась последовать за подругой, когда, окинув взглядом зал, неожиданно заметила молодого мужчину за одним из столов в противоположной его части.

Он был необыкновенно хорош собой.

Густые тёмные волосы, выразительные брови, правильные черты лица и чуть насмешливый изгиб губ. Одет он был просто, в тёмную рубаху и чёрный камзол без каких-либо знаков отличия, однако в его осанке и непринуждённой уверенности чувствовалось нечто, плохо сочетавшееся с обликом обычного посетителя таверны.

Женевьева задержала на нём взгляд чуть дольше, чем собиралась.

Впрочем, какое ей дело до красивых незнакомцев?

Особенно до тех, кто столь явно наслаждался женским обществом.

На коленях у мужчины устроилась молодая шатенка с густыми волнистыми волосами. Её ярко-красное хлопковое платье оставляло открытыми плечи и руки, а глубокий вырез почти не скрывал грудь. Девушка смеялась, запрокинув голову, пока незнакомец что-то говорил ей на ухо. Она игриво провела пальцами по его плечу, а он, судя по довольной улыбке, вовсе не возражал против подобной близости.

Женевьеве не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться, каким образом эта девушка зарабатывала себе на жизнь.

Но куда неприятнее ей показалось поведение самого мужчины. Он выглядел совершенно довольным собой, открыто заигрывая со своей спутницей посреди переполненной таверны.

Что ж, внешность бывает обманчива.

Женевьева отвернулась, мысленно вычеркнув незнакомца из числа людей, заслуживающих её внимания.

— Сюда, — негромко позвала Марта.

Она уже остановилась возле свободного стола неподалёку от стойки, за которой хозяин таверны разливал пиво и принимал заказы.

Женевьева подошла к подруге, поправила капюшон и устроилась на деревянной скамье. Марта села напротив, незаметно убирая выбившуюся из-под капюшона рыжую прядь.

Музыка продолжала греметь, вокруг звенели кружки и раздавался смех.

Женевьева больше не смотрела в сторону темноволосого незнакомца.

Не успели девушки устроиться за столом, как к ним подошла разносчица — полная румяная женщина с закатанными рукавами и передником, испачканным мукой.

— Чего желаете?

— Два светлых эля, — ответила Марта, заглянув в сторону кухни. — А что у вас сегодня горячего?

— Сегодня свежая морская рыба, жаренная с солью и чёрным перцем. К ней подаём лепёшки и масло.

— Отлично, — оживилась Женевьева. — Нам две порции.

— Одну большую на двоих, — поправила Марта. — А то опять половину оставим.

Женевьева хотела возразить, но, вспомнив их прошлый визит в другую таверну, промолчала.

Разносчица кивнула и скрылась в толпе.

— Ты хоть деньги взяла? — спросила Марта, когда женщина отошла.

Женевьева выразительно посмотрела на неё.

— Взяла.

— Точно?

— Хочешь пересчитать?

— Нет, просто уточняю. В прошлый раз ты тоже была уверена.

— Марта, это было полгода назад!

— И я до сих пор помню лицо того трактирщика.

Женевьева прикрыла рот ладонью, сдерживая смех. Тогда им действительно пришлось несладко, хотя теперь вся история казалась ужасно забавной.

Вскоре на столе появились две деревянные кружки с прохладным элем, большая тарелка мелкой морской рыбы, поджаренной до золотистой корочки, и несколько горячих ржаных лепёшек. Рядом разносчица поставила мисочку солёного масла.

— Вот это я понимаю, — довольно произнесла Марта, придвигая к себе тарелку.

Женевьева взяла кружку.

— За сегодняшний вечер?

— За то, что мы наконец выбрались.

Они слегка стукнули кружками и сделали по глотку.

Эль был свежим, с приятной хлебной горчинкой. Женевьева отломила кусочек лепёшки, намазала его маслом и потянулась за рыбой. Та оказалась такой горячей, что ей пришлось поспешно положить её обратно.

Марта заметила это и улыбнулась.

— Не терпится?

— Я голодная.

— Ты ужинала два часа назад.

— И что?

— Ничего. Просто удивляюсь.

Женевьева дождалась, пока рыба немного остынет, и попробовала снова. Под тонкой хрустящей корочкой скрывалась нежная, сочная мякоть. Рыбу приправили лишь солью и щепот-

кой перца — здесь считали, что свежий улов не нуждается в пряностях, которые перебивают его собственный вкус.

— Очень вкусно, — признала она.

— А я тебе говорила, что здесь хорошо готовят.

— Ты говорила, что здесь хорошо наливают.

— Одно другому не мешает.

Женевьева рассмеялась.

Музыканты тем временем сменили мелодию, и в центре зала начались новые танцы. Несколько мужчин, уже изрядно захмелевших, пытались повторять движения более ловких танцоров, вызывая дружный хохот окружающих. Один из них так старательно выделывал ногами замысловатые па, что едва не лишился сапога.

Марта первой заметила это и толкнула подругу локтем.

— Смотри!

Женевьева обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как несчастный танцор всё-таки потерял сапог. Тот пролетел несколько шагов и приземлился под чужим столом.

Обе девушки расхохотались.

— Надеюсь, он хотя бы найдёт его к утру, — заметила Женевьева.

— Сомневаюсь, что утром он вообще вспомнит, где оставил ноги.

Женевьева снова рассмеялась и отпила эля.

В таверне становилось всё шумнее. Воздух был густым от запахов жареной рыбы, хлеба и пролитого пива, музыканты играли без передышки, а посетители то и дело поднимали кружки, провозглашая очередной тост.

Подруги ели, переговаривались и наблюдали за весельем, временами наклоняясь друг к другу, чтобы расслышать слова сквозь музыку.

Женевьева поправила край капюшона и устроилась поудобнее. Впервые за весь вечер ей совершенно не хотелось оказаться где-нибудь ещё.

К тому времени, как от рыбы остались лишь косточки, а эль в кружках заметно убавился, музыканты заиграли новую мелодию. Скрипач вскочил со скамьи, подхватил быстрый ритм барабана, и по таверне прокатился одобрительный гул.

Марта, доедавшая последний кусочек лепёшки, подняла голову.

— Пойдём танцевать.

Женевьева посмотрела на неё поверх кружки.

— Прямо сейчас?

— Нет, завтра утром. Конечно, сейчас!

— Мы только поели.

— Вот и разомнёмся.

Не дожидаясь ответа, Марта поднялась и протянула ей руку. Женевьева со смехом поставила кружку на стол.

— Ты ведь не отстанешь?

— Даже не надейся.

Прихватив подол юбки, Женевьева выбралась из-за стола. Обе поправили капюшоны и направились туда, где между сдвинутыми скамьями уже собралась пёстрая толпа.

Танцевали здесь совсем не так, как на придворных празднествах. Никто не следил за безупречностью движений и не ждал приглашения от подходящего кавалера. Мужчины и женщины брались за руки, кружились, менялись местами, сбивались с шага и тут же подхватывали ритм снова.

Марта первой протиснулась в круг танцующих, потянув Женевьеву за собой.

Они успели сделать всего несколько шагов, когда пожилая женщина в зелёном платье ухватила Марту за свободную руку, а высокий бородатый мужчина — Женевьеву. Под весёлые выкрики музыканты ускорили темп, и круг закружился.

Женевьева едва успевала переставлять ноги. Её сосед оказался куда проворнее, чем можно было предположить по его внушительному животу, и всякий раз, когда танцующие менялись местами, он громогласно подбадривал остальных.

— Живее, живее! Не на похоронах!

Марта, оказавшаяся напротив, скорчила подруге смешную рожицу.

Женевьева рассмеялась — и тут же чуть не пропустила следующий шаг.

Через несколько мгновений круг распался на пары. Марта ловко перехватила её за обе руки, и они закружились так быстро, что окружающие превратились в мелькание цветных платьев, лиц и огоньков свечей.

— Медленнее! — выдохнула Женевьева.

— Ты сама меня тянешь!

— Потому что ты падаешь!

— Неправда!

Они остановились, пошатываясь от смеха, и едва не налетели на проходившего мимо мужчину.

Тот нёс две полные кружки и, пытаясь увернуться, резко вскинул руку. Эль выплеснулся через край, окатив рукав стоявшего рядом толстяка в коричневом жилете.

— Эй! — возмутился пострадавший, отскакивая. — Ты что творишь?!

Мужчина с кружками замер, уставившись на мокрое пятно.

— Прости, дружище! Не нарочно!

— Да ты мне весь рукав залил!

— Зато второй сухой!

Кто-то поблизости расхохотался. Толстяк сердито оглядел собравшихся, но и сам не удержался от улыбки.

— Смотри у меня. Следующий раз за твой счёт пью!

— Да хоть сейчас!

Они тут же направились к стойке, продолжая громко препираться, а Женевьева с Мартой поспешили отойти подальше от размахивающих кружек.

— Кажется, всё обошлось, — сказала Женевьева, проводив мужчин взглядом.

— Кроме рукава.

— Думаю, его владелец уже нашёл утешение.

Марта усмехнулась и снова потянула подругу за руку.

Музыка не умолкала. Скрипка взлетала всё выше, барабан задавал такой ритм, что ноги сами просились в пляс. Женевьева подхватила движение соседней пары, сделала поворот и чуть не столкнулась с молодой женщиной, которая танцевала, держа за руку смеющегося мальчишку.

— Простите! — крикнула она.

— Ничего, милая! — отозвалась та. — Только ноги береги!

Женевьева улыбнулась ей и поспешила вслед за Мартой.

В какой-то момент рядом оказался подвыпивший парень, который с чрезвычайно серьёзным видом пытался повторить шаги остальных. Он старательно подпрыгнул, перепутал ноги и тяжело опустился на скамью под дружный хохот приятелей.

— Я так и хотел! — объявил он, поднимая палец.

— Конечно! — отозвался кто-то. — Скамья сама под тебя подбежала!

Марта согнулась от смеха, ухватившись за локоть Женевьевы.

— Осторожнее, — предупредила та, тоже смеясь. — А то следующим номером будешь ты.

— Тогда хоть скамью подвинь поближе.

Постепенно танец становился всё быстрее. Подол юбки путался у Женевьевы в ногах, щёки разгорелись, а под капюшоном сделалось жарко. Она уже несколько раз порывалась откинуть его, но вовремя вспоминала, где находится, и лишь поправляла ткань, надёжнее скрывая волосы.

Марта тоже не снимала капюшона, хотя выбившиеся у висков рыжие пряди успели прилипнуть к влажной коже.

— Жарко! — пожаловалась она, наклоняясь к уху подруги.

— Ещё бы! Ты носишься как сумасшедшая!

— А ты от меня не отстаёшь!

Это была правда.

Женевьева давно не веселилась так беззаботно. В замке каждый танец требовал внимания к партнёру, правильных поклонов и соблюдения бесчисленных приличий. Здесь же она могла смеяться во весь голос, ошибаться в движениях и танцевать с собственной подругой, не опасаясь ничьего неодобрения.

Вокруг пахло элем, горячей едой и разгорячёнными телами. Кто-то громко подпевал музыкантам, совершенно не попадая в ноты. У стойки раздался звон разбившейся посуды, за которым последовали недовольный окрик разносчицы и виноватый смех.

Марта, всё ещё держа Женевьеву за руку, попыталась повторить особенно лихой поворот одной из танцовщиц.

Получилось не слишком изящно.

Женевьева споткнулась, налетела на подругу, и обе едва удержались на ногах.

— Всё! — выдохнула она сквозь смех. — Ещё немного, и мы точно кого-нибудь покалечим.

— Себя, скорее всего.

Они выбрались из танцующей толпы и направились обратно к своему столику. Женевьева опустилась на скамью с таким облегчением, словно только что преодолела пешком половину Мордина.

Марта плюхнулась напротив и, не говоря ни слова, потянулась к оставшейся кружке эля.

Несколько мгновений обе молчали, пытаясь отдышаться.

— У меня ноги отваливаются, — наконец призналась Марта.

— А у меня, кажется, уже отвалились.

Марта рассмеялась, но тут же схватилась за бок.

— Не смеши меня. Больно!

Это, разумеется, лишь сильнее развеселило Женевьеву.

Она сделала глоток эля и откинулась на спинку скамьи, чувствуя, как постепенно успокаивается дыхание. Щёки всё ещё горели, сердце билось быстро, а ноги приятно гудели от танцев.

Марта поправила съехавший капюшон и с довольным видом оглядела зал.

Женевьева посмотрела на подругу и улыбнулась.

— Спасибо тебе, Марта. За то, что вытащила меня сегодня. И за то, что снова поддержала, хотя прекрасно знала, чем мы рискуем.

Она на мгновение замолчала, а потом добавила с теплотой:

— Не представляю, что бы я без тебя делала. Мне очень повезло с подругой.

— Да брось. Ты бы всё равно не усидела у окна.

— Возможно, — согласилась Женевьева. — Но одной было бы совсем не так весело.

Марта улыбнулась и слегка приподняла кружку.

— Тогда за нас.

Женевьева стукнула своей кружкой о её.

— За нас.

Они выпили, обменялись довольными взглядами и снова рассмеялись, вспомнив незадачливого танцора, потерявшего равновесие.

Вокруг по-прежнему гремела музыка, люди танцевали и шумно переговаривались, а за окнами таверны продолжался праздник.

Разгорячённая танцами, уставшая, но совершенно счастливая, Женевьева допивала остатки эля, когда возле их стола остановился молодой мужчина.

— Добрый вечер, дамы.

Она подняла глаза.

Незнакомец был высок и широк в плечах, с короткими, слегка растрёпанными светло-русыми волосами и открытым, располагающим лицом. Тёмный плащ, скреплённый у плеча простой застёжкой, скрывал большую часть его одежды. Улыбался он так непринуждённо, словно они были знакомы уже много лет, а в уголках его глаз при этом собирались весёлые морщинки.

— Не мог не заметить, как прекрасно вы танцуете, — продолжил он. — И как прекрасно выглядите, даже после стольких танцев.

Марта улыбнулась.

— Благодарим вас.

— Хотя насчёт танцев вы, пожалуй, преувеличиваете, — добавила Женевьева. — Мы едва не сбили с ног половину таверны.

— Значит, мне повезло, что я наблюдал издалека.

Марта тихо рассмеялась.

— А с кем имеем честь разговаривать?

— Всего лишь с путником, — ответил он с лёгким поклоном. — Мы с другом путешествуем и решили задержаться здесь на несколько дней. Судя по всему, выбрали удачное время.

— В Мордине сейчас трудно найти скучное место, — заметила Марта.

— Я уже начинаю в этом убеждаться.

Он перевёл на неё взгляд, явно собираясь что-то добавить, но за его спиной раздался мужской голос:

— Томас, я оставил тебя одного на несколько минут. И ты уже докучаешь незнакомым девушкам?

Женевьева посмотрела поверх плеча светловолосого мужчины — и узнала того самого незнакомца, которого заметила раньше в другой части таверны.

Тёмные волосы, выразительные черты лица, насмешливая улыбка. Вблизи он оказался ещё привлекательнее, чем ей показалось издалека, что лишь усилило её досаду.

Теперь он стоял рядом с их столом, небрежно засунув большие пальцы за пояс. От прежней спутницы в красном платье не осталось и следа.

— Докучаю? — Томас обернулся к нему с искренним возмущением. — Я всего лишь завёл приятную беседу.

— Разумеется. А они слишком воспитанны, чтобы попросить тебя уйти.

— Вот сейчас и выясним.

Томас повернулся к Марте.

— Скажите, я вам докучаю?

— Вовсе нет, — ответила она, с трудом сдерживая улыбку.

— Слышал? — торжествующе произнёс Томас.

— Я слышал, что она очень любезна.

Марта рассмеялась, а Женевьева невольно улыбнулась, наблюдая за их перепалкой. Судя по тому, как свободно мужчины обменивались колкостями, они действительно давно знали друг друга.

— Не обращайте на него внимания, — сказал Томас, снова повернувшись к девушкам. — Он всегда такой.

— Какой? — поинтересовался темноволосый.

— Завидует моему обаянию.

— Особенно твоей скромности.

Томас лишь отмахнулся.

— В таком случае, — произнёс он, обращаясь к Марте, — позволите пригласить вас на танец?

Марта взглянула на Женевьеву. Та едва заметно улыбнулась ей в ответ.

— С удовольствием, — сказала Марта.

Томас просиял и протянул ей руку.

— Тогда не будем терять времени, пока музыканты не решили отдохнуть.

Марта поднялась из-за стола, придерживая капюшон, и вложила ладонь в его руку. Томас осторожно помог ей обойти скамью, после чего они направились к танцующим.

Женевьева проводила подругу взглядом.

И только когда Марта с новым знакомым скрылись среди посетителей, она вспомнила, что за столом остался ещё один незнакомец.

— Должен признать, мой друг совершенно прав.

Женевьева перевела взгляд на темноволосого незнакомца.

— В чём же?

— Вы обе прекрасно выглядите. Хотя, если позволите, вы особенно.

Он произнёс это с такой непринуждённой уверенностью, словно не сомневался, что комплимент будет принят благосклонно.

Не дожидаясь приглашения, мужчина опустился на скамью напротив неё, чуть подавшись вперёд, чтобы лучше слышать сквозь шум таверны.

Вблизи Женевьева смогла разглядеть его глаза — тёмно-карие, почти чёрные в приглушённом свете таверны. Он улыбался, и эта улыбка, несомненно, должна была производить впечатление.

На кого-нибудь другого.

— Как любезно с вашей стороны, — отозвалась она.

Незнакомец слегка склонил голову.

— Всего лишь говорю то, что думаю.

— Неужели? — Женевьева приподняла бровь. — И часто вы так думаете?

Он усмехнулся.

— Простите?

— Что каждая встреченная вами девушка необыкновенно хороша собой. Или это особенность сегодняшнего вечера?

На мгновение мужчина замолчал, а затем рассмеялся. Не обиженно и не натянуто — напротив, казалось, её замечание его искренне позабавило.

— Что ж, вы меня поймали.

— Вот как?

— Признаю, иногда я бываю слишком щедр на комплименты. Но сейчас совершенно искренен.

Женевьева сделала небольшой глоток эля, скрывая усмешку за краем кружки.

Разумеется.

— И всё же, — продолжил он, — мне кажется несправедливым, что мой друг уже наслаждается танцем, а я вынужден сидеть здесь.

— Вас кто-то заставляет?

Он снова улыбнулся, на этот раз шире.

— Вы весьма жестоки к незнакомцам.

— Только к тем, кто жалуется на собственное общество.

Незнакомец покачал головой, явно наслаждаясь разговором.

— Тогда позвольте исправить положение. Вы окажете мне честь, согласившись на танец?

Женевьева посмотрела на протянутую им руку.

Перед глазами невольно возникла шатенка в красном платье, сидевшая у него на коленях. Её громкий смех, обнажённые плечи, довольная улыбка самого мужчины.

И вот теперь он сидел напротив Женевьевы, предлагая ей танцевать с тем же непринуждённым обаянием.

Она медленно поставила кружку на стол.

— Боюсь, я не знаю, насколько длинная очередь к вам сегодня выстроилась.

Улыбка незнакомца на мгновение застыла.

Женевьева поднялась, аккуратно придерживая капюшон.

— Не хотелось бы занимать чужое место.

Не дожидаясь ответа, она обошла скамью и направилась прочь.

За спиной раздался короткий смешок, но Женевьева даже не обернулась.

Пробираясь между столами, она искала глазами Марту. Музыканты всё ещё играли, хотя теперь мелодия стала медленнее. Танцующих поубавилось, и отыскать знакомый тёмно-синий плащ оказалось несложно.

Марта стояла неподалёку от музыкантов, обнимая Томаса за шею. Тот держал её за талию, и, судя по всему, танец давно перестал занимать их обоих.

В следующую секунду он наклонился и поцеловал её.

Женевьева невольно остановилась.

Вот это скорость.

Она уже собиралась подойти, когда Марта, чуть отстранившись от Томаса, случайно посмотрела в её сторону.

Женевьева поймала её взгляд и выразительно кивнула в сторону выхода.

Марта нахмурилась, словно спрашивая, что случилось.

Женевьева лишь покачала головой и снова указала взглядом на дверь.

Подруга поняла. Она коротко кивнула, затем подняла указательный палец, беззвучно обещая подойти через минуту.

Женевьева ответила ей улыбкой.

Ну конечно. Куда же без прощания.

Она оставила Марту объясняться с новым знакомым и направилась к выходу.

Тяжёлая дубовая дверь поддалась не сразу. Женевьева толкнула её плечом и шагнула наружу.

После духоты таверны прохладный летний воздух показался настоящим спасением.

Она глубоко вдохнула.

Улица была залита мягким светом фонарей. Где-то дальше, ближе к главной площади, по-прежнему гремела музыка, доносились весёлые крики и смех. Над крышами домов время от времени вспыхивали отблески праздничных огней.

Здесь же, у таверны, было сравнительно спокойно. Несколько посетителей беседовали возле входа, а чуть поодаль пожилой мужчина пытался убедить своего нетрезвого приятеля, что тому давно пора домой.

Женевьева отошла от двери и остановилась у каменной стены соседнего дома, под небольшим навесом. Поправила капюшон, убрала выбившуюся светлую прядь и прислонилась плечом к прохладной кладке.

Ноги после танцев всё ещё приятно гудели.

Она улыбнулась, вспомнив, как Марта кружилась посреди зала, едва не сбивая окружающих с ног. А затем — как целовалась с Томасом.

Похоже, подруга сегодня веселилась даже лучше, чем рассчитывала.

Женевьева негромко усмехнулась и посмотрела на дверь таверны.

Оставалось дождаться Марту.

Дверь таверны открылась, и Женевьева обернулась, ожидая увидеть Марту.

Вместо неё на улицу вышел темноволосый незнакомец.

Заметив Женевьеву у стены, он улыбнулся и направился к ней.

Она едва заметно вздохнула.

— Что вам ещё нужно?

— Хотел узнать, чем заслужил такой поспешный отказ.

— Вы ради этого вышли?

— Признаться, задели моё самолюбие.

Он произнёс это с улыбкой, словно собственное уязвлённое самолюбие его немало забавляло.

— Какое несчастье, — заметила Женевьева.

— Не то слово. Теперь придётся весь вечер гадать, что я сделал не так.

— Не думаю, что вы долго будете скучать в одиночестве.

Он чуть склонил голову, присматриваясь к ней.

— Это намёк?

Женевьева на мгновение опешила. В его голосе слышалась такая откровенная насмешка, будто он решил, что она сама напрашивается на его внимание. От этой мысли ей стало неприятно.

— Вы слишком высокого о себе мнения.

— Возможно, — легко согласился он.

Его улыбка никуда не исчезла.

Женевьева раздражённо выдохнула.

— Знаете, я видела вас в таверне. С девушкой в красном платье. Так что можете оставить своё обаяние для неё. Судя по всему, она его оценила.

Незнакомец посмотрел на неё с неподдельным удивлением, а затем усмехнулся.

— Подождите. Так вы всё это время сердитесь из-за неё?

— Я не сержусь.

— Тогда почему мы о ней говорим?

— Потому что вы никак не можете понять, что я не заинтересована в вашем обществе.

Он ненадолго замолчал, а потом улыбнулся ещё шире.

— Мы даже не знакомы, а вы уже ревнуете.

Женевьева почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Какая самонадеянность!

— Неужели я ошибся?

— Совершенно. Мне нет никакого дела до ваших любовных похождений.

— Что ж, рад это слышать.

Он произнёс это так невозмутимо, что Женевьеве захотелось немедленно закончить разговор.

— Прекрасно. Тогда мы друг друга поняли.

Она уже собиралась отвернуться, но незнакомец неожиданно заговорил снова:

— Эндрю.

Женевьева недоумённо посмотрела на него.

— Что?

— Меня зовут Эндрю.

Он чуть склонил голову.

— А вас?

— Зачем вам моё имя?

— Хотелось бы знать, с кем я разговариваю.

Прежде чем Женевьева успела ответить, он взял её за руку и слегка наклонился, собираясь поцеловать.

Его пальцы оказались тёплыми, прикосновение — неожиданно бережным. На одно короткое мгновение Женевьева растерялась. Ей даже захотелось позволить ему закончить этот жест.

Осознание собственной слабости разозлило её сильнее всего.

Она резко отдёрнула руку.

— Не нужно!

Эндрю сразу выпрямился.

— Простите.

Впервые за весь разговор его улыбка исчезла.

Женевьева спрятала руку под плащом. Ладонь всё ещё помнила тепло его пальцев, и это было совершенно некстати.

— Моё имя вам ни к чему, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Потому что это наша первая и последняя встреча.

Он посмотрел на неё, помолчал, а затем чуть пожал плечами.

— Как скажете.

В его голосе не было ни обиды, ни разочарования. И почему-то именно это окончательно вывело её из себя.

Женевьева демонстративно отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Дверь таверны открылась, и на пороге появилась Марта.

Она сразу заметила Женевьеву, но, увидев рядом с ней темноволосого мужчину, остановилась. Её взгляд быстро скользнул по лицу подруги.

— Всё в порядке?

— Да, всё отлично. — Женевьева поспешно подошла к ней и взяла под руку. — Пойдём, нам пора.

Марта ещё раз взглянула на незнакомца, но ничего не сказала.

Они уже направились прочь, когда он окликнул их:

— Надеюсь, ещё увидимся, красавица!

Женевьева никак не отреагировала. Она продолжала идти рядом с Мартой, даже не повернув головы.

Марта дождалась, пока они свернут за угол, и только тогда посмотрела на подругу.

— Что это сейчас было?

— Понятия не имею. Какой-то самовлюблённый болван.

— А мне показалось, вы мило беседовали.

— Тебе показалось.

Они вышли на соседнюю улицу, где было значительно тише. Праздничный шум остался позади, лишь изредка ветер доносил музыку с главной площади. В окнах домов горели свечи, на мостовой лежали длинные тени от фонарей.

Марта шла рядом, придерживая одной рукой капюшон.

— А он красивый, — заметила она спустя некоторое время.

Женевьева повернула к ней голову.

— И что?

— Ничего. Просто красивый.

— Это единственное его достоинство.

— Ты успела выяснить?

— Вполне.

Марта тихонько засмеялась.

— Чем он тебе так не понравился?

Женевьева вздохнула.

— Он решил, что может подойти к любой девушке, улыбнуться, наговорить ей комплиментов, и она тут же бросится ему на шею. Причём совершенно не стесняется этого.

— А ты, конечно, не бросилась.

— Ещё чего.

— Ну и правильно.

Женевьева с удивлением посмотрела на подругу.

— Ты со мной согласна?

— Конечно. Если он тебе не понравился, зачем с ним танцевать?

— Вот именно.

Марта помолчала, потом добавила:

— Хотя улыбка у него всё-таки красивая.

Женевьева не удержалась от смеха.

— Ты невозможна.

— Я просто заметила!

— Лучше бы ты заметила, что он полвечера обнимался с другой девушкой.

— Правда?

— Да. Прямо в зале, у всех на виду. А потом подошёл ко мне, будто ничего не произошло.

Марта задумчиво хмыкнула.

— Ну, вы ведь не женаты.

— Марта!

— Что? — Подруга рассмеялась. — Я же не говорю, что он тебе должен нравиться.

Женевьева покачала головой, но улыбка всё же тронула её губы.

Они миновали небольшой колодец на перекрёстке. У стены соседнего дома сидел полосатый кот, внимательно наблюдавший за двумя девушками. Марта присела, протянула к нему руку, но тот величественно отвернулся.

— Какой невоспитанный, — пробормотала она, выпрямляясь.

— Наверное, тоже ждёт, что ты оценишь его красивые глаза.

Марта фыркнула.

— Вот теперь ты сама его вспомнила.

Женевьева только отмахнулась.

Некоторое время они шли молча. Затем Женевьева искоса посмотрела на подругу.

— А у тебя, я смотрю, вечер прошёл гораздо интереснее.

— Почему?

— Я видела тебя с тем блондином.

Марта улыбнулась и опустила глаза.

— А-а.

— И это всё, что ты скажешь?

— А что ты хочешь услышать?

— Например, как получилось, что я оставила тебя танцевать с совершенно незнакомым мужчиной, а через несколько минут вы уже целовались?

Марта засмеялась.

— Не через несколько минут. Мы довольно долго танцевали.

— Ах, ну тогда всё понятно.

— Да перестань ты! — Она слегка толкнула Женевьеву локтем. — Он мне понравился.

— Это я заметила.

— Мы разговаривали, пока танцевали. Он очень приятный. И смешной.

— Что-нибудь ещё ты о нём узнала, кроме того, что он хорошо целуется?

Марта рассмеялась громче.

— Узнала. Его зовут Томас, ему двадцать два. Он служит в войске и приехал сюда с другом на несколько дней.

— С Эндрю?

— Кажется, да. Они давно дружат. Томас сказал, что вместе прошли подготовку и теперь служат в одном отряде.

— Значит, солдаты.

— Похоже на то.

Женевьева ненадолго задумалась. Впрочем, во время праздника в Мордин съезжалось множество людей, и появление двух молодых военных не было чем-то необычным.

— И о чём вы ещё говорили?

— Обо всём понемногу. О городе, о празднике. Он спросил, давно ли я живу в Мордине. Я сказала, что всю жизнь.

— И всё?

— Ну, я ещё рассказала ему про нашу ярмарку. Он хотел узнать, что стоит посмотреть, пока они здесь.

— Надеюсь, ты не предложила ему экскурсию по замку.

Марта взглянула на неё.

— Конечно нет. Я посоветовала ему сходить к набережной. И попробовать пироги с вишней на Рыночной улице.

— Очень полезные сведения.

— Между прочим, он записал бы их, если бы у него было на чём.

Женевьева улыбнулась.

— Он тебе действительно понравился.

Марта на этот раз не стала отшучиваться.

— Да. Знаешь, с ним было так легко. Мы почти не заметили, как прошло время.

Она немного помолчала.

— И он сказал, что хотел бы увидеть меня завтра.

— А ты?

— Я сказала, что, возможно, приду на площадь вечером.

— Собираешься?

Марта улыбнулась, немного смущённо, но вполне искренне.

— Да. Мне бы хотелось его ещё увидеть.

Женевьева посмотрела на подругу. Та всё ещё улыбалась, вспоминая, должно быть, недавний танец.

— Ну что ж, если тебе хочется, почему бы и нет? Только, Марта, пожалуйста, будь осторожна.

— Я буду.

— Я серьёзно. Ты ведь почти ничего о нём не знаешь.

— Знаю. — Марта взглянула на неё. — Не волнуйся, я не собираюсь терять голову из-за первого встречного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.